

ФТАБАТЕЙ СИМЭЙ

Исповедь в середине жизни

Моя литературная биография, честно признаться, не является особенно блестящей, поэтому если и говорить о чем-либо, то скорее о тех переменах, которые очень давно произошли в моем мировоззрении. Назовем это исповедью в середине жизни. Наверное, так оно и к лучшему, ведь это позволяет оправдаться за прошлые ошибки.

Почему я полюбил литературу — это первое, о чем стоит рассказать, но прежде я хочу поведать об истории изучения русского языка. Все началось с того самого пресловутого Петербургского договора об обмене территориями с Россией, который немало взбудоражил тогдашнее общество. Помню, как журнал «Внутренняя и внешняя политика» активно подогревал враждебное отношение к России. Все общество кипело от негодования, не оставляя никого в стороне. С самого детства я был пламенным приверженцем реставрации Мэйдзи и перемен, произошедших в Японии, иными словами, патриотизм, популярный в общественных настроениях, и мои собственные идеи слились воедино, и привели меня к выводу, что свое будущее я должен связать с Россией, наиболее серьезным оппонентом Японии тех лет. Сейчас самый подходящий момент, чтобы дать отпор, — думал я. ...Но для этого был нужен русский язык. Все это подтолкнуло меня к поступлению на русское отделение Токийской школы иностранных языков.

Итак, как я и писал выше, интересоваться литературными сочинениями я стал после поступления в школу, к языку меня привели популярные в обществе империалистические настроения, а необходимость читать литературу появилась сама собой. В те годы в Токийской школе нам читали на русском языке те же предметы, что и в российской гимназии: физику, химию, математику, а также риторику и историю русской литературы. Про-

фессор знакомил нас с лучшими произведениями видных писателей России.

Незаметно для себя я попал под влияние литературы. Разумеется, к тому были предпосылки, я был воспитан в семье, в которой поощряли интерес к искусству. Благодаря русской литературе мой интерес получил толчок и начал развиваться естественным образом. С другой стороны, я был охвачен патриотической лихорадкой. Две эти линии в моей жизни первоначально шли практически параллельно, не отклоняясь ни в одну, ни в другую сторону. Однако через некоторое время пыл империализма остыл, и осталась только страсть к литературе.

Однако о литературе нужно сказать еще несколько слов.

Я не любил литературу так, как ее обычно любят литераторы. У меня возник огромный интерес к изучению и анализу тех проблем, которые разбирают русские авторы, другими словами, интерес к изучению социальных явлений с литературных позиций — к тому, чего совершенно нет в литературе Востока. Интерес, как правило, превращается в хобби, однако это хобби меня привело к такому направлению мысли, как социализм.

Подойдя к литературе вплотную, в начале я вошел не в литературу, а в социализм. То есть под влиянием интереса к литературе, я увлекся социализмом. Как правило, термин социализм описывает отношение к обществу, но для меня в то время это был интерес к философии, отношение к человеку или к человеческой судьбе. С самого начала, это не был чисто философский интерес... скорее его можно было бы назвать критикой цивилизации. Но с другой стороны, я смотрел на социализм в контексте современного устройства и системы мира. Источник был один, но разделялся на два потока. Было несколько русских писателей, имевших отношение к социализму. Мне запал в память характер персонажа Евгения Базарова из романа «Отцы и дети» Тургенева. Я часто читал Чернышевского, Герцена, из западных авторов Фердинанда Лассалю.

К социализму в то время мы относились исключительно серьезно, хотя, когда об этом думаешь сейчас, все это кажется исключительно ребячеством. Например, нам не нравились меры предпринимаемые правительством, вмешательство родителей, мы по надобности и без кричали о свободе. Такие настроения, царившие повсюду, разумеется, не могли нравиться государственной школе. Школа была закрыта, а факультет стал филологическим факультетом Токийской коммерческой школы. Через некоторое время филологический факультет тоже был упразд-

нен, а все учащиеся стали студентами Коммерческой школы. Я решительно покинул школу. Мне настоятельно рекомендовали поступить в университет, но я не остался ни в государственной коммерческой школе и не поступил в государственный университет. Я почувствовал, что пользоваться заботой родителей и дальше значило бы сковывать собственную свободу, поэтому решил отделиться от них и учиться самостоятельно.

Но для этого мне нужно было самому работать и зарабатывать деньги. Тогда-то я и написал «Плывущее облако». До него я занимался переводами. К этому времени я перевел небольшой фрагмент из «Отцов и детей» Тургенева, которого только что упомянул, показал его Цубоути Сёё¹, но получалось пока не очень. Были ли прототипы у героев «Плывущего облака»? * Прототипов не было, были люди, чьи характеры я использовал при работе, но не копировал с кого-то конкретного. Не было одного такого человека, который бы показался мне интересным для образа героя. В голове у меня неясно вырисовывался символический образ молодых японских мужчин и женщин, а когда я пытался конкретизировать этот образ, то придавал ему форму. В результате долгих поисков среди чужих или знакомых лиц я находил тех, в ком видел черты своего символического образа. И тогда брал этого человека за основу и разрабатывал типаж. Разумеется, у этих людей были индивидуальные черты, но я их отбрасывал, оставляя только чистый типаж. Но персонаж — это не просто идея, это что-то более конкретное, поэтому я описывал его таким образом, чтобы достичь своей первоначальной цели. Если вернуться к разговору о том, что у «Плывущего облака» нет прототипов, то, возможно, следует сделать оговорку, что значение, которое я вкладываю в слово «прототип» и общепринятое значение различны.

В любом случае я не отрицаю, что в писательских идеях я ощутил на себе влияние русской литературы. В те годы все зачитывались критическими статьями Белинского, я был полон энтузиазма описать внутреннюю сторону японского общества, поэтому в этом произведении за основу взял работы мастеров прежних лет. В первом томе смешены идеи Сикитэя Самба, Фурай Сандзин, Сиба Дзэнко, Аэба Косон². Во втором томе я отошел от идей японских авторов, заимствовав европейскую традицию. С желанием принести западную литературу в Японию, я изучал творчество Достоевского, Гончарова, и по большей части склонялся к стилю письма Достоевского. В третьем томе проявляется влияние разных авторов, но больше всего я подражал стилю Гончарова.

---

* Роман написан в 1887–88 годах. — *Прим. переводчика.*

Я уже сказал чуть выше, что написал «Плывущее облако» ради денег. Звучит это довольно просто, но никто не знает, каких усилий мне это стоило. В те годы моим идеалом было слово «правдивость», мне хотелось жить прямо и честно. Идея «правдивости» была возвращена во мне русской литературой, хотя самое большое влияние оказало на меня конфуцианство. Мне придется вернуться немного назад. В те же годы, когда я почувствовал влияние империализма, то в полной мере ощутил и влияние конфуцианства. Идеи и принципы Конфуция довольно глубоко проникли в мою голову... Может быть, мое понимание и было поверхностным, но тем не менее я был очень увлечен.

Например, слушая лекцию учителя, я всегда почтительно складывал обе руки перед собой. Это традиционная поза уважения была адресована не столько учителю, сколько «пути» в обучении. Такое религиозное, философское отношение было у меня с юных лет. Влияние восточного конфуцианства слилось с влиянием русской литературы и европейской философии, было дополнено идеями социализма, что привело к рождению моей идеи «правдивости», центральной моральной идеи простоты и честности в жизни.

Здесь я говорю только об идейной стороне. Как это связано с литературными усилиями? Если говорить о «Плывущем облаке», то несмотря на положительные отзывы, которые получило это произведение, меня охватывало чувство сомнения. Я и сейчас не могу сказать, что уверен в своих силах, а в то время у меня совершенно не было никакой уверенности. Передо мной был идеал «правдивости». Уважение по отношению к искусству. Сомнение, правдивость и уважение к искусству — в результате слияния этих трех элементов я стал думать следующим образом. Я не знаю своего будущего, и радость от того, что я выступаю на литературной сцене, является сама по себе оскорблением искусства. Я же не могу больше поклясться своим идеалам правдивости. Исходя из своих идеалов, я не мог и дальше сидеть на шее родителей, не мог пользоваться чьими-то благами. Я жаждал денег. Чтобы заработать, нужно писать, хотя бы и художественный роман, но по отношению к искусству такое потребительское отношение непростительно. Сначала я даже не мог публиковаться под собственным именем, поэтому использовал имя Цубоути Сёё и только так смог убедить книжный магазин взять мои книги. Ради прибыли я подписался Цубоути Сёё и совершил нечестный поступок. То есть использовал его. А ведь это нечестно по отношению к читателям. Такое же мошенничество, как продавать мясо собак, выдавая его за баранину.

Это неразрешимая дилемма. Столкновение реальности и идеала. Такую дилемму невозможно разрешить, но бытовая необходимость заставила меня написать «Плывущее облака» и взять за эту работу деньги. С точки зрения собственных идеалов, я стал самостоятельным человеком, который смог заработать деньги, но в моральном отношении я считал себя человеком жалким и несимпатичным. И вот после всех мучений я услышал собственный голос, который мне кричал: «Кутабаттэ Симэ!» (Футабатэй Симэй — «Чтоб ты пропал!»). Рассказывают много историй о происхождении моего псевдонима, но на самом деле все было так, как я сейчас рассказал. Когда раздался приказ: «Чтоб ты пропал», я на самом деле думал, что пришло время исчезнуть. А если прислушаться к такому приказу, то и жизни можно положить конец. «Кутабаттэ Симэ» и сейчас в определенном смысле звучит во мне. Этот настрой выражается в моих произведениях, он на самом деле вырезан на кости и плоти, я строго критикую себя. Но, ругая и упрекая себя, я при этом хочу сгладить свою вину. Если продолжить аналогию с мясом собаки, которую выдаешь за баранину, то мне хотелось хотя бы продавать свинину, пригодную для того, чтобы ее можно было взять в рот. Я проводил такую тяжелую работу над собой исключительно ради «правдивости». А в переводах таких усилий нужно в разы больше. Я тогда испытывал исключительное уважение к Тургеневу, серьезное произведение такого большого автора появилось в моем никчемном переводе. Но, даже если я не мог передать психологическую часть, то, по крайней мере, я мог передать форму оригинала, чтобы те, кто не может читать по-русски, смогли хоть немного представить русский текст. Я делал все возможное, чтобы сохранить точки, запятые и даже количество знаков таким, как оно было в оригинале. Сейчас мне кажется, что это была дурная попытка. С одной стороны, я был верен идее правдивости, с другой это и на самом деле было неразрешимая задача. Это была слишком большая честь для меня. Решиться, поплевать на ладони и замахнуться на серьезное место в литературе. Ну и ну, это было совершенно недостойное поведение.

